

Прав ли тов. Аникин?

(„Заметки зрителя“, „Борисоглебская правда“ № 80)

Голос зрителя—это одна из ценных форм рецензий. Часто простым, логическим выводом, метким сопоставлением, идущим от непосредственного восприятия, этот голос указывает и актеру и театру наиболее верный путь.

Безусловно ценно, когда под критику подведены логические обоснования, подкрепленные даже некоторыми теоретическими установками. И бесценно, когда в своих критических суждениях ограничиваются только лаконическими оценками „хорошо“ и „плохо“.

В „Заметках зрителя“ Л. Аникина (о спектакле „Повесть о женщине“) ценной и бесценной критики как раз наполовину: суждение о „плохом“ он пытается обосновать, а в суждении о „хорошем“ он ограничивается голой отметкой „хор.“.

Анализируя первую половину „Заметок зрителя“ Л. Аникина, с единственным желанием извлечь из нее для себя пользу, я прежде всего обнаруживаю полное отсутствие последовательности и логики, которое мешает мне извлечь пользу.

Общий упрек постановщику В. Н. Климову в том, что он выхолостил „совершающееся действие“ и ограничился „голым повествованием фактов“, является просто непонятным.

Почему же тысячи таких же зрителей, как и Л. Аникин, так напряженно следят за развитием действия, так дружно радуются удачам любимых персонажей, так скорбят о их неудачах, так искренно смеются над уродливыми явлениями жизни? И я думаю, если бы было одно „голое повествование“, зритель не реагировал бы, а просто безмятежно дремал.

Костюм Розы Марковны—костюм обычный. Рисунок такой одежды можно найти в любом модном журнале 1915—16 гг. Можно им быть недовольным, но характеризовать его античным—это значит не иметь представления об „античном“. А тем более неверно связывать понятие об античном с совершенно непонятным мифическим „допотопным“.

Теперь об упреке в адрес исполнительницы роли „Марини“. В мою задачу не входит доказывать хорошо или плохо выполнена эта очень трудная творческая работа молодой актрисой. Можно коснуться только техники исполнения.

Раз тов. Аникин говорит о „сквозном действии“, значит он имеет о нем теоретическое понятие. А раз имеет понятие, то должен знать, что нельзя играть спектакль не зная „сквозного действия“. И если бы режиссер и исполнители его не знали, то не могло бы быть и спектакля.

Была ли „перемена внутренней жизни героини“—дело во многом субъективного восприятия. Один зритель требует для своего усвоения прямолинейных, выпуклых форм, другой может почувствовать то же самое и по более скромным приемам, по более тонким нюансам. А выбор формы—это творческий выбор самого актера, сообразно с его художественным вкусом. И навязывать формы было неверно.

Но не слишком ли сурово говорить о монотонной речи, на одном дыхании, без пауз?

Опять таки иду на уступки, и, повторяю, что это дело личного вкуса, но нельзя же договориться до таких, по меньшей мере, странных суждений, как утверждение об „отсутствии логических ударений“... Можно спорить о правильности логического ударения, но нельзя же не знать, что даже простая жизненная речь без логических ударений и интонаций должна превратиться в непонятный нечленораздельный лепет.

Я не хотел бы, чтобы вынужденная дача этой заметки была рассмотрена как желание сказать: „как у нас все хорошо и мы не хотим, чтобы нас критиковали“...

Нет, у нас много недостатков. Нам нужна критика и мнение зрителя. Но мы хотим, чтобы она была обоснованной, подкрепленная конкретными советами, а главное не грубая, не общая, не убивающая желание работать, а товарищески-деловая, зовущая к новым творческим исканиям. Только такая критика будет полезна и нам, и зрителю, и советскому театру.

П. Трапезников.

художественный
руководитель

Борисоглебского колхозно-
совхозного театра.

Ст редакция: Помещая эту статью, редакция считает замечания и выводы тов. Трапезникова правильными.

29 апреля 1940 г., № 99 (1572)

БОРИСОГЛЕБСКАЯ ПРАВДА

КОММУНА

20 апреля 1940 г. № 91 (3148)

КОРОТКО

* Премьера трагедии Шиллера «Мария Стюарт» состоялась 12 апреля в Борисоглебском колхозно-совхозном театре. Постановщик—режиссер В. Н. Климов.